

<У НЕКРАСОВА>

1877, 15 января. У Некрасова. Он лежал в постели, бледный и изнеможенный. Когда я пришел, он начал говорить и мало-помалу очень оживился. Пришел потом ненадолго Лихачев, но затем мы оставались одни.

Он рассказывал, что делается с его стихотворением "Пир на весь мир". Его вынули из декабрьской книжки, Между тем Достоевский был раз у Григорьева, и тот в большой компании сказал ему - и для передачи Некрасову,-- что это стихотворение кажется совершенно возможным¹. Но дня три тому назад был у Некрасова и Салтыкова Петров и упрашивал не помещать стихотворения: Некрасову он прямо говорил, что он должен принять в соображение их обстоятельства и не лишать их "куска хлеба"; они--люди семейные, и что ему напрасно "водрузить свое стихотворение на развалинах их существования", а напротив, следует завершить свое поприще "добрым делом" - отложивши печатание.

Некрасов говорит, что он увидел, что это личный страх Петрова: перед тем произошла история с "Собеседником"², - Лихачев прибавил, что на этих днях Тимашев - когда Веселаго и Лазаревский пришли благодарить его за ордена - любезно, но настойчиво требовал, что надо "подтянуть" литературу, которая "распущена"; происходило потом бурное заседание в Главном управлении, было остановлено "Русское обозрение"³ и т. д.

Некрасов, на основании своего соображения, хотел, чтобы его стихотворение было пущено в январскую книгу "Отечественных записок", предполагая, что Григорьев не отступит от своих слов. Салтыков боялся этого. Вместе с тем Некрасов намерен сделать другую вещь: теперь же выпустить книжку своих стихотворений, поместить туда "Пир" и новые стихотворения и представить в цензуру, которой нечего будет сказать против этого издания⁴.

Он говорил о романе Тургенева⁵. Первая часть понравилась - выводимые лица нарисованы хорошо, но вторая часть плоха. Тургенев не достиг своей цели. Если он хотел показать нам, что [2 нрзб.] неудовлетворительно - он не доказал; если хотел примирить с ними других - не успел; если хотел нарисовать объективную картину - она не удалась. Все-таки люди были крупнее (первые), да и хождение в народ - недосказано, оно бывало не так глупо. "Вообще-то скажу, - не говорите только приятелям Тургенева, я их не хочу огорчать - паскудный роман - хоть я до сих пор люблю Тургенева".

Он начал потом говорить о своих стихах: "Делать теперь нечего, я и пишу стихи, благо приходят в голову - каждый почти день что-нибудь пишу". Он прочел мне несколько стихотворений - конечно, наизусть. Сказка - "вроде пушкинских" - "я думаю пропустят", в ней есть царь, да ведь в сказках без царей нельзя: царь, воевода и крестьянин⁶. "Сеятель", "Молебен", "Друзьям". "Последние стихи" - так он называет этот ряд; в начале всех предисловие - прощанье с жизнью⁷.

Говорил потом о своей поэзии. "Жизнь меня испортила - но только на поверхности - мои стихи шли из души..." В первых он повторял тех, кого читал, но потом, с 1846, пошел его собственный род, не взятый ни у кого. Он ставит их цену в том, что ни у кого из наших писателей не говорилось так прямо о "деле" - не было рутинных пустяков.

Вспоминал об "ошибках" - стихотворении к Муравьеву. Его подбивали (Строганов) написать стихотворение⁸, что этому человеку надоела катковская газета, но что стихотворения Некрасова могли бы на него подействовать и укротить. "Я тогда проводил много дней не лучше, чем теперь... и посмотрите в стихотворениях - в *той же* день, когда я написал эти двенадцать стихов⁹, я написал стихотворение "Ликует враг"..."

У Некрасова. Пятница, 25 февраля 1877 г. Ему, видимо, хочется рассказать разные факты своей жизни и объяснить. Говорил, между прочим, что, когда вышла книжка Антоновича,

он стал писать ответ¹⁰, в котором спокойно, без всякой брани, объяснял свои действия - "прятался ли он за других" - оказывается, конечно, что нет, и что, например, сам же Антонович советовал выбрать двух редакторов на тот случай, чтоб хоть один мог остаться, если другого запретят, и т. п.

Пятница, 4 марта. Я застал там Белоголового и Богдановского. Некрасов был очень слаб; но все-таки (при мне и Богдановском) прочел новое стихотворение, записанное его сестрой 3 марта - "Колыбельная песня"¹¹. Он стоял на постели на коленях в одной рубашке, и его манера чтения делала впечатление пьесы еще сильнее и тяжелее. Затем он встал с постели, опираясь на нас, и еще стал рассказывать... Он чувствует себя тяжело от опиума - "боюсь, что глупею"; просил, что нельзя ли как-нибудь избавить его от какой-то подробности лечения, которая была ему тяжела, - говорил, какие мысли бродят в туманной голове, явятся и исчезнут, чтобы потом явиться снова, и кончаются стихами. Он стал рассказывать сюжет, который именно теперь бродил: снежная пустыня, Сибирь, на снегу отпечатались лапки птиц и зверьков; бродит беглый, не помнящий родства; много раз он попадался, начальство бывало строгое: "Кто ты?" - "Житель", - начальство бесится; "Кто ты?" - "Сочинитель", - начальству смешно, и бродяга обошелся без наказания. Он жил в селе, и была у него невеста - чиновник отбил, и он ушел сам в Сибирь и бродил "не помнящим родства". - Теперь - время ужасное: дни все дольше, а снегу все больше. Попадается ему маленький зверек, замерзший; он взял его на руки, тот дрыгает лапкой, еще жив. Он спрятал зверька, горноста, в шапку, и все бродил; через несколько времени снял шапку посмотреть - зверек ожил и стремглав ринулся в лес. Другая встреча: набрел на кибитку, там тот самый чиновник с его бывшей невестой и ребенком: они сбились с пути, грозит метель, ямщик ушел искать дорогу. Они просят спасти их; бродяга отводит их в избу, какие строят в пустых местах для всякого случая. Он отводит их туда,-- и хочет потешиться мщением; он любит смотреть на огонь и собирается сжечь их; он обложил избу дровами, выбрал место, откуда станет смотреть, - но захотелось ему взглянуть еще раз на эту женщину; он взглянул в волоковое окно и увидел, что она молится и ребенка крестит. Зрелище поразило его, он кинулся бежать и без оглядки тридцать верст пробежал¹².

Он объяснил, что так ему представляется народный характер - при всей беде, порче, необузданности с мягкими человеческими чувствами в основании...

Он рассказывал все это - ходя и переступая с палкой по ковру - худой, бледный, нервно говорящий то стихами, то рассказами, и утомился окончательно.

Среда, 9 марта. К удивлению, я встретил его (около трех часов) гораздо свежее. Он ходил по комнате, никого у него не было. Он стал говорить - "Только вы никому не говорите", - что он сделал распоряжение о своих сочинениях - он отдал их сестре¹³ с тем, чтобы она из денег употребила известную часть для Н. Г. Чернышевского, жены и детей. "Она честная, добрая, совестливая женщина и сделает все, как я распорядился". Денег у него теперь немного: "У меня на лечение выходит в месяц до пяти тысяч" (?), "сколько же я истратил в десять месяцев болезни?"

О книжке "Русской библиотеки" он опасается, чтоб цензура не задержала: выбор сделан такой, да и все "народ"¹⁴. По словам Стасюлевича, он видит, что он не понимает этого; ему кажется, что Тургенев - самый либеральный писатель;¹⁵ от этого о своей биографии: "останутся стихи, да наберутся послания кое-какие, шутки, и довольно". Разница с Тургеневым: "Я с барями хотел быть бариним, хотя не был по природе барин; но я же мог подраться с кем попало в ресторане Лерхе, - Тургенев бы повесился от этого; он к Белинскому доедет в белых перчатках, его тянуло к какой-нибудь аристократической барыне, а я бы не пошел туда, разве если б можно было там выиграть тысяч пять шутя". Старая поэзия: Пушкин - великий поэт; но это - "птица, сидящая на дереве",-- содержания в литературе не было {Когда он узнал Мицкевича, он понял, какая могла быть поэзия для общества¹⁶. (Прим. А. Н. Пыпина.)}. Николай Гаврилович сумел это сказать по поводу просто Авдеева, - он указал, что старая литература была дрянь, и это уж было много¹⁷.

Примечания

После отказа А. Н. Пыпина принять участие в издании "Отечественных записок" его отношения с Некрасовым почти прекратились. Узнав о тяжелой болезни поэта, он захотел с ним увидеться, о чем сообщил Салтыкову-Щедрину, который в ноябре 1876 года ему отвечал: "... положение Некрасова несколько хуже, и что хотя, быть может, и медленно, но несомненно должно с каждым днем ухудшаться <...>. Мне кажется, что Вы хорошо сделаете, посетивши его, *Вы в особенности*, как человек "Современника" (*Щедрин*, т. 19, стр. 80--81). Публикуемые здесь записи относятся к посещениям Пыпиным Некрасова в течение января - марта 1877 года.

Несмотря на то, что некоторые высказывания Некрасова переданы очень конспективно, записи Пыпина авторитетны и очень ценны для понимания настроения поэта той поры.

Печатается по автографу, хранящемуся в *ИРЛИ* (ф. 250, ед. хр. 392, лл. 1--5). Впервые с неточностями - в "Современнике", 1913, No 1, стр. 229--233.

¹ Стр. 445. Сведения Достоевского о якобы благосклонном отношении к поэме Некрасова начальника Главного управления по делам печати В. В. Григорьева не подтвердились. См. прим. 4 к стр. 431.

² Стр. 445. Речь идет о запрещении 7 января 1877 г. "по высочайшему повелению" газеты "Собеседник", начавшей выходить в Петербурге в том же году.

³ Стр. 445. Газета "Русское обозрение" после третьего предостережения была приостановлена 12 января 1877 г. на два месяца.

⁴ Стр. 445. "Пир - на весь мир" в книжку стихов "Последние песни" не вошел.

⁵ Стр. 445. Речь идет о романе "Новь", первая часть которого (гл. 1--XXII) была напечатана в журнале "Вестник Европы" (1877, No 1).

⁶ Стр. 446. Имеется в виду "Сказка о добром царе, злом воеводе и бедном крестьянине". При жизни Некрасова не печаталась, была запрещена цензурой. См. *ЛН*, т. 53--54, стр. 156--157. Текст "Сказки" см. *БП*, т. 3, стр. 341--343.

⁷ Стр. 446. Имеется в виду "Вступление к песням 1876--77 годов" ("Нет! не поможет мне аптека...").

⁸ Стр. 446. Речь идет о "муравьевской оде", прочитанной Некрасовым 16 апреля 1866 г. в Английском клубе (см. прим. 21 к стр. 178). Факты о причастности члена Государственного совета графа С. Г. Строганова к возникновению оды неизвестны.

⁹ Стр. 446. В "муравьевской оде", текст которой не сохранился, было двенадцать стихов. См. *ЛН*, т. 49--50, стр. 161 и прим. 2! к стр. 178.

¹⁰ Стр. 446. См. стр. 163. Ответ Некрасова Антоновичу и Жуковскому на их книжку "Материалы для характеристики современной русской литературы" (1869) - неизвестен.

¹¹ Стр. 446. Речь идет о стихотворении "Баюшки-баю".

¹² Стр. 447. См. об этом стр. 346 и прим. 10 к ней.

¹³ Стр. 447. По завещанию, составленному 13 января 1877 г., Некрасов предоставлял свои авторские права А. А. Буткевич.

¹⁴ Стр. 448. В это время готовилось издание стихотворений Некрасова в серии "Русская библиотека" (вып. VII). Книжка вышла в апреле 1877 г.

¹⁵ Стр. 448. Это мнение М. М. Стасюлевича, вероятно, высказано во время посещения Некрасова в феврале 1877 г. См. *ВЕ*, 1878, No 2, стр. 910.

¹³ Стр. 448. Об отношении Некрасова к Пушкину см. стр. 305 и прим. 8 к ней. В рецензии 1866 г. Некрасов "птицами-певчими" назвал поэтов Фета и Полонского. Там же Некрасов писал о Мицкевиче: это "один из тех редких поэтов, у кого форма и содержание неразделимы: одно превосходно и другое превосходно" (IX, 443).

¹⁷ Стр. 448. Речь идет о рецензии на "Роман и повести" М. Авдеева (2 тома, СПб. 1853). В ней Чернышевский критиковал произведения Авдеева за подражательность, за отсутствие в них мыслей, принадлежащих "современной жизни". Чернышевский подчеркивал, что "мысль и содержание" в литературе "даются не безотчетною сантиментальностью, а мышлением" (*Чернышевский*, т. III, стр. 221).